

Юрий Матвеев
Поживём — увидим

По дневникам путешественника

Юрий Матвеев

**Поживём – увидим.
По дневникам путешественника**

«Издательские решения»

Матвеев Ю.

Поживём – увидим. По дневникам путешественника /
Ю. Матвеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982814-9

Очерки из жизни главного героя, волей-неволей попадающего в экстремальные ситуации по всему миру. Человек, становящийся свидетелем аномальных явлений, необъяснимых событий, парадоксальных фактов, приходит к выводу о божественной сущности, о влиянии разума, как на поступки индивидуума, так и на глобальные процессы в развитии человечества. Все персонажи и события имели реальную основу.

ISBN 978-5-44-982814-9

© Матвеев Ю.
© Издательские решения

Содержание

Юрий Матвеев	6
Глава 1: МЕТРО	7
Глава 2: ПЕРЕЛЁТ	12
Глава 3: КОЛУМБИЯ	14
Глава 4: КОРДИЛЬЕРА	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Поживём – увидим По дневникам путешественника

Юрий Матвеев

© Юрий Матвеев, 2020

ISBN 978-5-4498-2814-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юрий Матвеев
ПОЖИВЁМ – УВИДИМ

Санкт-Петербург 2020 г.

Автор: Действительный член
Русского географического общества
Ю. А. Матвеев.

Фотографии: *Ю. А. Матвеев.*

Иллюстрации: *Г. В. Бажанов.*

Поживём – Увидим. Очерки. 2020 г. – 84 стр.

Глава 1: МЕТРО

Фёдор стоял в какой-то прострации на углу тротуаров и несколько секунд не мог сдвинуться с места. Отсутствие планов на день угнетало, и, чтобы не впасть в уныние, он выбрался в центр Питера.

«Надо хоть чем-то заняться», – подумал он и решил хоть куда-нибудь поехать. Вроде как и при деле. Прохожие на оживленной улице то и дело задевали его ненароком, но он не замечал этого, полностью поглощенный дилеммой – сесть в автобус или поехать в метро. Зелёный на переходе не горел, да и автобуса не видно. Солнце давило в затылок, а андеграунд был совсем рядом, всасывая и всасывая в своё чрево бесконечный поток пешеходов. Совсем не сообразуясь с экономией времени, он нырнул туда же, сразу почувствовав облегчение.

Радовали прохлада подземного вестибюля и возможность ни о чем не думать на сто раз пройденном маршруте. Казалось, думал не он, а кто-то за него. А он-то знал, чем сейчас займётся. Так часто бывало, если не надо было куда-то спешить и не давили будничные проблемы.

Питерские эскалаторы весьма хороши тем, что они длинные и едут не быстро. А, значит, можно всмотреться в лица людей. Поглазеть – попросту. Особенно на женщин. Вроде как и не бестактно, и в то же время можно глаз не отводить. Всего несколько мгновений – и мы разъедемся навсегда. Особенно радовали редкие в последние годы высокие причёски. Декорированные платья, обтягивающие блузки. Отчего бы и не помечтать. Поиграть в своеобразную игру-лотерею. Выбрать цифру и начать отсчёт встреченных женщин, а потом представить, что выпавший номер мог бы быть твоим и порадоваться маленькой победе, либо тихонько хмыкнуть от своей самонадеянности. Эта невинная забава помогала убить время, не заставляя жалеть о его потере при подъёме, и оправдывала упущенную возможность сбежать по ступенькам вниз. Женщины представляли не во всей своей красе, видимые чуть больше, чем наполовину. Зато, когда едем вниз – видим грудь. Поднимаясь вверх – любимся изящными коленками, а уж воображение дорисует всё, что выше. Ножки – это отдельное представление. Это ещё впереди....

Пройдя несколько арочных пролётов по платформе, Фёдор выбрал позицию поближе к привлекательной молодежи. Увлечённая разговором, она вряд ли обратит внимание на его мимолётные взгляды. Наконец, подавляя нарастающим визгом все звуки на платформе, прибыл поезд метро, и можно было с облегчением упасть на свободное место. Теперь предстояла следующая серия. Вагон быстро заполнялся пассажирами, по большей части – молодежью, и что ещё лучше, красивыми девушками. Парад коленочек, лодыжечек, пальчиков; всего того, чего так не доставало для полноты прекрасной картины, пока внимание было сосредоточено на других частях женских тел в предыдущие десять минут.

Не являясь апологетом какого-то конкретного музыкального направления, он слушал музыку по настроению. От кантри до Вагнера. При особо хорошем расположении духа он мог и сам насвистывать, например, арию Тореадора из оперы «Кармен». Но сегодня была совсем другая тема. «Пятьдесят оттенков серого» будоражили воображение. А вокруг столько соблазнов!

Хорошая штука – метро.... Никаких обязательств. Не надо доказывать кому-то свою состоятельность. Это не поезд дальнего следования. Там вольно-невольно, а знакомишься. Тут же, мысленный онанизм остаётся без осуждений и последствий. Фёдору никогда не приходило в голову, посидеть в скверике на скамеечке с такой же целью – рассматривать проходящих мимо женщин. Долго не выдержать. Здесь же, едешь – вроде, и делом занят, и удовольствие получаешь.

Однако произошло то, чего Фёдка хотел бы меньше всего. Откуда-то вдруг нарисовалась бабка в мрачной одежде невнятных цветов и покроя. Она ещё только вошла в вагон и встала

у поручня, держась одной рукой за него, а другой за ручку сумки на колёсиках. Чёрт возьми! Бабке никто не уступает место, да вроде и нет откровенно сидящих и пышущих здоровьем молодых пацанчиков.

На следующей остановке ей пришлось пройти вглубь вагона, и вот она уже оказывается по диагонали от его колен. Фёдор злится на эту бабку. За то, что нарушила его прекрасную идиллию и бесцеремонно вторглась в эстетическое любование прекрасным полом. За то, что, как ему кажется, другие думают, а какого хрена он не встаёт. Внутренний поиск оправданий услужливо предложил версию – он тоже заплатил за билет полную цену, без льгот и скидок. Что бы ей сейчас не развернуться и направиться в противоположную сторону вагона, и там есть те, кто мог бы уступить ей место. Эта диагональ между ними, – последний рубеж его совести, скукожившейся за многие годы цинизма, навязанного жизнью.

Всего-то полметра, однако, не напротив! Вот тогда я бы уступил – подумал он, и продолжал напряжённо ждать следующей станции. – Вообще-то она не такая уж и старая, подумал он, глядя уже без того захватывающего интереса на коленку сидящей напротив девчонки. Прикидываться спящим было уже поздно.

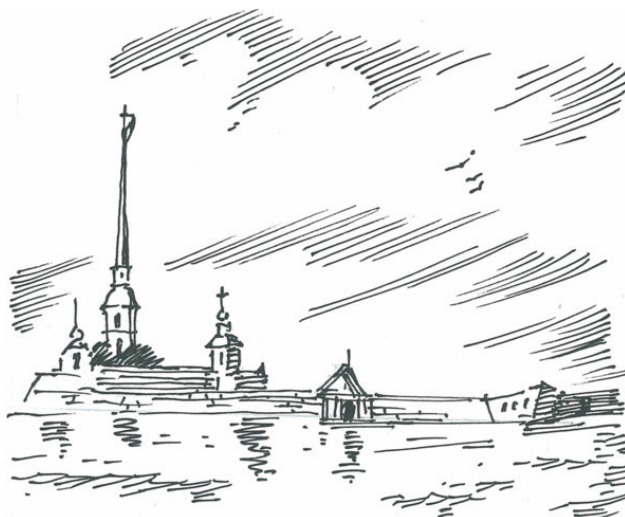
Непредвиденная остановка безопасности среди тоннеля, не доезжая станции, между станциями, вызывает немое проклятие. Метро, ещё недавно бывшее прибежищем умиротворения, незаслуженно обругано. – Лучше бы я раньше встал. Теперь это совсем будет глупо выглядеть. Ладно бы выходить сейчас, ан нет – только через одну. Чего же я обозлился именно на эту бабку? Что здесь не так? Мало ли уступал раньше? Скорее всего – это выражение лица. Не вызывает оно сострадания, часто возникающего к пожилым людям. Веет от бабки даже какой-то холодностью и злобой. Мысли у неё, чувствуется, недобрые.

Наконец поезд приближается к остановке, и всё остаётся по-прежнему. Но только теперь Фёдор вскакивает, и коротко, и холодно бросив: «Садитесь, мне выходить», – проталкивается к двери. – «Спасибо, мне скоро тоже», – доносится уже в спину. – «Эх, забыть бы это поскорей!» – думает он, быстрее стараясь подняться вверх. – «Напридумывал же грехов этой бабке в оправдание собственной лени».

Какое провидение заставило его выйти именно здесь?! У этой станции метро есть выход для грешников – прямо к Владимирскому собору. – Опа! Ну и что, ты теперь креститься будешь? – Фёдор прищуривается, поднимая взгляд на купола, и принимая вправо, ближе к проезжей части. Типа – иду мимо, мне и дела нет. Вроде хотел перекреститься, да лицемерно как-то получается. Обычно он ходил сквером, иногда заходя и в сам собор.

Профессиональные нищие только на мгновение бросают на него взгляд, и тут же поняв тщётность ожиданий, быстро переключают внимание на другой объект. Стайка голубей шумно взлетает, еле успевая среагировать на быстрый шаг Фёдора. Только через улицу, в тенистом переулке, можно сбавить темп, убежав от созданной им же неловкой ситуации буквально из ничего.

Главная водная артерия большого города по эмоциональному воздействию ни с чем не сравнима. Берега Невы заставляют забыть всё. Как индусы приходят на гаты Бенареса, так питерцы – на набережные Невы. Там все грехи и невзгоды уносит вода, тут, чаще – невский воздух. Сегодня день достаточно жаркий, можно и искупаться. На пляже Петропавловской крепости спешить не надо. Здесь немаловажно, где лечь. То есть с кем. Достаточно много дам приходит сюда с той же целью. Конечно, можно мысленно найти себе оправдание в прекрасных видах на Дворцовую набережную и стрелку Васильевского острова, в жарком дне и желании позагорать. Но состояние пляжа таково, что, если не принимать в расчёт его местоположение, то выбрал бы любой другой. Окурков, пробок и прочего мусора тут более чем достаточно.

Широкие гранитные лежа изгороди более чисты и хороши для уединения с книгой. Редкие выброшенные штормами брёвна выручают, если нырнул и надо обсохнуть присев на них. Каменная брусчатка предназначена для перехвата. Расположился там позагорать и только смотри. Если хочешь познакомиться – мимо никто не пройдёт. Феде хотелось сейчас просто упасть на песок, подстелив под себя снятую одежду. Чего её жалеть, если ты – не приезжий! Впрочем, «упал» он не просто так. Как-то инстинктивно прихваченная по пути спортивная газета создаёт иллюзии большого интереса к её содержанию. (Хотя и не без этого). Только глаз уже издали отфильтровал бледные тела провинциальных туристок и шумные компании, и остановился на хорошо сложенном загорелом теле. Это она – не женщина, а самка с большой буквы.

И место рядом освободилось. Не далеко – и не близко. Так, чтобы можно было завести разговор вполголоса, как бы невзначай. Вспоминая уроки охоты на тетерева, некогда полученные в юности, он делает «засидку». Надо, чтобы «дичь» привыкла к её местонахождению. Вот такая оригинальность присуща его пляжной тактике. Короче – его тело должно некоторое время полежать. Создать иллюзию не преднамеренности обоюдных целей, а некоей случайной романтичности нежданной встречи. «Прочтение» газеты не заняло много времени, но в нужный момент позволило издать шелест складываемых листов. Вроде как разогревшийся самец, Фёдор смело идёт в воду и классно проплывает вдоль берега. Сколько хватает воздуха, он не поднимает голову из воды и рассекает кролем. В холодной воде Невы сразу перехватывает дыхание, приходится энергично бить личные рекорды плавания. Но тут главное проплыть не «на время», а «на зрителя». Уверенно, не суетясь, всем своим видом показывая, что это дело привычное. Очень скоро водоросли преграждают путь, оправдывая прекращение «показательных» выступлений.

Довольный собой, он выходит на берег и спокойно возвращается к исходной позиции, краем глаза замечая, что некое внимание удалось завоевать. А вот теперь можно совершенно оправданно стоять и обсыхать на солнышке, демонстрируя вполне прилично сохранившееся для его возраста тело. Фёдор свое тело не запускал, даже наоборот. Снимая ладонью капли воды с загорелой кожи и отжавшись, не раздеваясь, он уже заканчивал принятие солнечных ванн. Теперь можно завести разговор по любому незначительному поводу. Настоящих конкурентов среди «токующих косачей» в ближайшем окружении не наблюдалось.

Но вот в мирную гармоничную сцену вторгся сначала ненужный громкий разговор, а затем и приблизилась странная парочка. Субтильный подросток, по виду – из культурной питерской семьи, и крепкий простоватый мужчина, скорее всего – приезжий, не обремененный образованием и интеллектом, громко и возбужденно что-то говоривший, приблизились к Фёдору, идя вдоль кромки воды.

В худощавом парнишке легко угадывалась неловкость, создаваемая его спутником. Он, казалось, даже вжал руки в тело, и явно предпочел бы провалиться сквозь землю от стыда за своего спутника. Идущий чуть впереди парнишки мужчина развязно жестикулировал и что-то кричал, комментируя всё увиденное. Из обрывочных фраз стало понятно, что в гости к некоей семье приехал провинциал, которого поручили сыну, чтобы тот показал ему питерские достопримечательности. Для мальчишки это поручение было поистине обузой. Очевидно, мамаша, таким образом, прервала пьянку, выпроводив под благовидным предлогом гостя и урезонив от загула своего благоверного. Иначе невозможно объяснить появление столь странной и не сочетающейся пары на пляже.

Попав в непривычное для себя окружение, агрессор сначала немного обалдел, что привело его к мысли показать свою удаль. Стал цепляться к девушкам и отвечать резкостями дамам в годах в ответ на их замечания. Обстановка накалялась. Фёдор, уже присев и взяв газету, наблюдал поверх неё за развитием событий. Чувствовалось, что апогей будет после первой словесной стычки с мужиком. Ему совершенно не хотелось в такой день идти одёргивать этого морального урода. Однако игнорировать публичный мат и вызывающее поведение было невозможно. К тому же, парень был моложе и крепче костью. Его некогда тренированная фигура уже слегка оплыла и округлилась пивным животиком. Но сам он по-прежнему считал себя непобедимым героем прошлых лет.

Переоценка собственной крутости заставила гостя снять одежду и последовать в Неву. Естественно, не пытаясь сильно возражать, это пришлось сделать и его спутнику. Поплыли они поперёк течения, которое по мере удаления от берега всё ускорялось. Отдыхающие на пляже, уставшие от назойливого шумного мачо, с облегчением вздохнули – может, протрезвеет!

Однако минут через пять, а это для невской водички немалый срок, раздался робкий крик юнца. Поняв, что его не понимают и не слышат, он закричал уже более отчаянно. Головы отдыхающих ближе к воде чуть приподнялись. Когда стало ясно, что парнишка просит о помощи для своего далеко заплывшего товарища, отдыхающие отреагировали неожиданно, что, однако, было вполне объяснимо. Они прилегли и сделали вид, что ничего не хотят знать. До того «герой» уже всех достал на берегу!

Это продолжалось некоторое время. Федя, тем более, ещё не остыв от раздражения, не хотел вылезать из третьих рядов. Наконец, не выдержала его привлекательная соседка: «Есть тут мужики или нет!? Человек же тонет! Помогите кто-нибудь!» Хорошо, она смотрела на тонувшего в реке, а не обращалась к Федору, лежащему позади. Разом позабыв о своих

планах пофлиртовать, он оставался недвижим. Между тем, голова ослабевшего пловца совсем не приближалась к берегу, а дрейфовала по течению. Его юный спутник уже рад был бы сам выбраться на берег живым.

Два мужика решились пойти в Неву на помощь незадачливому пловцу. И тут что-то заставило Фёдора двинуться следом за ними. Дальнейшее он вспоминал с того момента, когда спасаемый был передан ему на руки ещё в реке и вытаскивал он его почему-то один. То ли первые подплывшие сами не рассчитали силы в борьбе с водной стихией, то ли провидение послало такой случай, он не задумывался. Напарник «героя» вообще куда-то растворился и больше его никто не видел. Натерпелся парнишка позора и страха.

Дотащив за подмышки тяжёлое тело вглубь пляжа до медпункта, Федя положил его на скамейку. Парень вращал в недоумении глазами, не веря, что это всё происходит с ним. Хмель почти прошёл, и здравая речь потихоньку возвращалась. «Ты мне скажи своё имя, – просил он. – Ты мне жизнь спас, и я хочу отплатить тебе, чем смогу. Я ведь служил на севере в морской пехоте, – начал он непрощеную исповедь. – Вода – моя стихия, а тут вот... сам не понимаю, что произошло».

Феде было неловко от своей злобы на этого, в общем-то, нормального человека. Стыдно было за свою нерешительность: «Знаешь, не надо тебе моего имени и мне ничего не надо. Лучше, если с кем-то случится подобное, то ты им помоги». – «Нет, ты мне всё-таки скажи, как тебя зовут, за кого молиться?» – раз за разом повторял парень, давно назвавшись по имени, которое Фёдор тут же забыл.

Минут сорок они уже сидели на лавке, а вызванной скорой так и не было. Девчонка-фельдшерица сама до того растерялась, что поначалу не знала, что и делать. Да и посадили её сюда, видно, для формальности. Дали нашатырь, может, ещё йод с бинтом. Устыдившись своей беспомощности, она спряталась где-то в медицинской палатке. Девка-то хороша, да ещё в белом халатике! Но сейчас ни у парня, ни у Фёдора не было желания развивать тему. Так и разошлись своими путями. Все живы, здоровы – и, слава Богу!

Выбравшись на угол бастиона и, подставив голову обдувавшему ветерку, Фёдор отчего-то подумал: «Вот ведь как! За пару часов ты и полужасранец, и полугерой. А, впрочем, ну его». Растворяясь в разрастающихся тенях крепостных стен, он брёл на выход, потупив в булыжную набережную взор. Не оступиться бы. Почему-то вспомнился хороший знакомый. И тут же, с двухсекундным опозданием раздался звонок телефона. Звонил ОН! Случайно ли? Такое уже повторялось не один раз. На каком-то телепатическом канале устанавливалась между ними подсознательная связь, опережая технические средства.

«Для тебя есть интересное дело, – услышал Фёдор, – заедь, когда сможешь».

Глава 2: ПЕРЕЛЁТ

Как всегда, прибыв чуть заранее, он имел ещё некоторое время в запасе до объявления посадки на рейс Люфтганзы. Уж сколько раз доводилось летать, реалии жизни и многолетний опыт не позволяли сильно расслабиться. То есть это он так считал, хотя внешне привык действовать без суеты и видимой спешки. Когда-то давно Фёдору было даже интересно подсчитать, сколько раз в год он перелетел различными самолётами и вертолётами. Бывало, доходило и до двадцати пяти. А потом он перестал думать об этом, отмечая для себя разве что новую модель самолёта.

Рейсы этой компании из Питера обычно очень ранние. И не раз, не желая вставать среди ночи на такси, он ехал поздним автобусом и выбирал место на втором этаже зала вылета среди свободных скамеек. Тут можно и переночевать. Зашить несколькими стежками ниток язычки молний на карманах лёгкого рюкзака, чтобы грузчики в очередной раз не обворовали. Это, конечно, не панацея, но паковать в полиэтилен он не любил, а так, воришкам, чем рисковать из-за мелочи, лучше залезть в другие сумки. Ниточки – чисто психологический барьер. Давно выработанное за множество поездок содержимое рюкзака всегда вписывалось в восемь килограммов, и его можно было с лёгкостью взять на борт, но любимый швейцарский нож, плюс перцовый баллончик, приходилось сдавать в багаж.

Избавившись от необходимости заранее вставать в очередь на посадку, только ради того, чтобы первым занять багажное отделение над своим креслом, он мог заказать чашечку кофе. Фёдор давно перестал испытывать шок от цен в наших аэропортах. Такое впечатление, что человеку давался шанс последний раз в жизни что-нибудь выпить или почитать. Такой вот чёрный юмор перед перелётом. Обо всём этом Фёдор почему-то думал, медленно вращая большим и средним пальцем чашечку с горячим напитком. Пока есть время, можно заняться телефоном. Вокруг него кто-то сидел с ноутбуком, кто-то читал, пытаясь подчеркнуть своё напускное спокойствие, но то и дело поглядывая на часы. Тут нет суеты, что всегда царит у стоек регистрации и на паспортном контроле. За окном по-прежнему моросит в предрассветных сумерках.

Еще не остыв от только что пройденных предполётных процедур, в кафе шумно ворвались две возбужденно-веселые девчужки. Мысленно они были уже где-то в тёплых странах, видимо следуя через Германию транзитом. Постояли у одной барной стойки ровно столько, чтобы прочитать первый ценник и машинально залезть в сумочку за деньгами. Но после внезапного морального шока от увиденного они метнулись к другому кафе. Фёдор заметил, как у одной из девушек из сумки что-то выпало, откатившись в проход между ножками стульев. Это «что-то» очень сильно напоминало закладки, которые делали наши родители в свои молодые годы. Сидящие за столиками ничего не заметили, но другие, на подходе с нижнего этажа, могли увидеть интересный предмет. В полной уверенности, что именно лежит на полу между стульями, он встал и подошёл к находке.

Скрученный рулончик серо-зелёных купюр, перетянутый резиночкой, оказался в его руках. То, что не было доверено банковской карте, лежало здесь. Да и была ли карта – большой вопрос. В общем – курортный бюджет валялся под ногами. Не торопясь, Федя направился в сторону девушек. Бог миловал от соблазна забрать находку. Почему-то такая мысль даже не пришла в голову. Он видел, кто потерял деньги – очевидно, это и сыграло свою роль. А у стойки бара уже витала в воздухе твердая решимость «жить на широкую ногу». Девчонки радостно суетились в выборе минимального заказа, роясь в сумочках в поисках кошельков.

«Девушки, вы ничего не потеряли?» – негромко, но отчетливо спросил Федор, остановившись в нескольких метрах от веселых беззаботных подружек. Обе обернулись. На одном личике Федор увидел недовольно-пренебрежительную гримасу – «Ой, нам сейчас не до знакомства, не видите – мы отдыхаем!» На втором же за считанные мгновения отразились бури

эмоций, молниеносно сменяя друг друга – от «ой, опять эти поклонники!», «где же, ну?... что??? не может быть...», что же теперь...???» На мгновение она застыла, все лицевые нервы её разом отмерли, а мышцы тела застыли. Такое состояние называется ступором, когда человек уже заглянул в свои потаённые закутки и ничего там не увидел.

«Возьмите – это Ваше», – он протянул рулон опешившей красавице, та машинально потянулась рукой к своему сокровищу, забыв даже поблагодарить его. В её воображении, наверное, в одно мгновение пронеслись картины испорченного отпуска, возможный скандал дома. Охвативший ужас так и застыл в глазах, и она ещё не осознала внезапного избавления от неприятностей. Тут не осталось места не то что для выражения благодарности, а даже для радости. От неловкого положения всех спасло очередное приглашение на посадку. Фёдор пошёл вниз, не дожидаясь развития событий....

Когда самолёт пробивает слой за слоем серые тучи и вырывается на заданный эшелон, ты как будто попадаешь в другой мир. Солнце заливают светом пушистые белоснежные поверхности облаков. Его горизонтальные лучи рисуют картины из причудливых теней и расцветивают небосвод, где в густо-синие, где в малиновые цвета. Ты паришь как будто над раем. Фёдору всегда нравилось это ощущение. На коротком плече в Европу хотелось взять место у окна, компенсируя роскошным пейзажем в иллюминаторе убогий интерьер подержанных лайнеров, на которых порой не стесняются выполнять рейсы в Россию весьма солидные авиакомпании. Несколько часов блаженства, с неохотой прерываемых на напитки и завтрак. Лёгкая грусть по Родине при виде знакомых контуров побережья в разрывах облаков. Прекрасно понимая, что через это надо пройти и скоро всё отхлынет, он даже позволил себе немного сыто подремать.

Некогда уютный франкфуртский аэропорт давно потерял свой шарм из-за появившихся накопителей безопасности и бесконечных досмотров. Тут памяти не за что зацепиться. На Колумбию Фёдор мечтал вырваться побыстрее. Взять место у прохода, чтобы за многочасовой перелёт выходить, никого не беспокоя. Позволить себе даже выпить немного вина, и заняться просмотром фильмов, чтением журналов, пробежаться по разговорнику. Оставив на другом континенте свои дела, свои проблемы, он, тем не менее, не мог избавиться от мыслей. От чувства вины перед близкими за недостаточное внимание в бытовой суете, за грубо сказанное слово. На такой высоте происходит как бы очищение совести. Небеса заставляют, как минимум, задуматься.

В наступившей ночной темноте над поверхностью огромных грозовых туч засверкали странные вспышки. Одно дело – гроза на земле. Даже разряды между облаками уже не удивляют. Но тут – неземной красоты и значимости картина! Куда-то в преисподнюю уходят потоки электричества, называемые голубыми джетами. С огромной высоты разряжаются красные спрайты. Происходит глобальный обмен энергией между землёй, облачностью и ионосферой. Каналы передачи энергии опутывают всю Землю, но бывают видимы лишь при определённых обстоятельствах и немногими. Да человечество и узнало о них не более четверти века назад.

Можно сказать, что испарения в виде капель воды несут заряд в некое пространство над землёй. Земля заряжена положительно, а низ облачности отрицательно. Тогда как верх облачности, в свою очередь, положительно, а ионосфера на высоте около 90 км – отрицательно. Затем ионизированный с высоких слоёв воздух замыкает цепь на землю. Несут заряд – значит, несут информацию. Оттуда же заряженные ионы возвращают информацию на землю. Пространство этой природы огромно. Человек думает и видит. И видит он, возможно, как раз то, о чем думает. Не исключено, что это один из способов глобального обмена мыслями человечества в пределах мирового разума. В размышлениях подобного рода и завершилось перемещение Фёдора в воздушном пространстве. Впереди ждали новые задачи, новые встречи, впечатления, эмоции.

Глава 3: КОЛУМБИЯ

Последний поезд метро высадил Фёдора в окраинном районе Медельина, где царило уныние и запустение. Поднявшись под козырёк уличной платформы, он некоторое время не хотел выходить наружу. Дождь лил как из ведра. Оставшись один, он вынужден был мобилизовать все свои природные инстинкты, всматриваясь в неясные силуэты, зашевелившиеся на границе влияния уличного фонаря. Шум воды перебивал звуки речи, да и вряд ли она была бы понятна. При таких обстоятельствах лучше доверять интонациям и эмоциям встречного человека.

Накинув непромокаемую куртку, он шагнул в темноту района, где надеялся найти ночлег. Свет фонарей создавал лишь иллюзию безопасности, на самом деле притягивая всякий сброд. Очень не хотелось стать источником наживы для этих типов. В подобных районах постоянно подходят какие-то люди, тихо прося денег и что-то бормоча про неблагоприятную экономическую ситуацию. Бомжи повсюду. Так, набережная реки Медельин просто кишит этими париями от жизни. Тут они спят, стирают, опорожняются. Кучи кала и потоки мочи стекают от стен старых городов Колумбии. Там нет воздуха – он превратился в зловоние. Уже никто не обращает внимания, когда прямо на переходе у музея Золота бомж садится на корточки среди своих пяти огромных мешков с тряпьем и мусором и опорожняется на асфальт. Для этих людей уже все рубежи пройдены. Жизнь поддерживается только инстинктами. Проститутки больших городов ужасны и жалки. Взгляд отрешённый, либо натянута маска приветливости и жеманства. Вид их, кроме безразличия, ничего не вызывает.

Ранним утром, когда ещё некому кормить голубей в парке Боливара, у стены кафедрального собора стояла, ссутулившись в беззвучных рыданиях, какая-то бедная крестьянка. Она старалась не показывать это, но эмоции душили человека. Тут же нашлась женщина совсем другого социального статуса, которая стала её утешать. Здесь, перед Богом, никому не стыдно проявить свои чувства, как в боли, так и в сострадании. А водоворот городской жизни набирал обороты. Гвардейцы в красивых мундирах уже сделали утренний развод с поднятием флага и исполнением гимна. Заспешил народ по своим делам. В суматохе один парень, разносчик молочных коктейлей, уронил на тротуар свой поднос. Он присел на одно колено, закрыл лицо в локти и тихо, по-мужски рыдал. Вокруг белела лужа с горой стаканов.

Что промелькнуло у него в этот момент в голове? Горечь оттого, что теперь придется голодать, отрабатывая долг хозяину или идти тёмной ночью на скользкий путь удачи – грабить прохожих. Кто знает? Да только сразу около парня остановились множество людей, и все, понимая, молча давали ему купюры в мокрые руки. А он, онемев от переживаний, даже едва мог благодарить их. Оказать помощь реально нуждающемуся – великий дар в наше время. Это не ханжеская подачка на паперти, глаза в сторону – и скорее уйти, забыть. Не пожертвование непонятно кому и куда, но озвученное, как бы невзначай, при каждом удобном случае. Такое заслужить надо.

Фёдор с некоторой тоской наблюдал эту сцену и, к его сожалению, не мог помочь парню, как другие прохожие. Хотя, наверное, мог, но его сознание говорило, что исправлять свои ошибки надо с первой страницы. В первые дни прибытия он бродил по кайе в Канделярии и решил купить ручку. Не хватило мелочи, но мужик её и так отдал, сказал, что потом занесёшь. А он забегался, решил, что и так обойдётся, быстро придумав себе оправдание в том, что, мол, продавец его – старую сломал, просматривая механизм. Да и торговаться у них принято. Цена всё равно падает. Только дело не в цене, а в поступке.

Пообещал в пути случайному попутчику небольшой сувенир, но так и не отправил. Хотя тогда за язык никто не тянул, а потом решил, что обойдётся. Как-то противно от всего этого стало. Тогда ещё кое-какие деньги были, а сейчас почти ничего. Судьба не оставляет безнаказанными такие жалкие поступки. А нужда обостряет совесть.

– Что ж, – решил Фёдор и поспешил разыскать того торговца. После недолгого плутиания по классической застройке латинских городов в виде большой сети уличных квадратов, он разыскал мужчину. Да только тот его не узнал, удивился и быстро отвлёкся на разговор с другим клиентом. Тогда Федя, как отчаянно утопающий, стал искать того, кому эти деньги нужнее. Ирония судьбы в том, что даже нищие не попадались там, где были всегда. – Может у них сиеста? Так тебе, жлобу, и надо! – раздражённо подумал он про себя.

Наконец, взгляд с трудом выхватил некую серую личность, поедающую с пластиковой тарелочки остатки чьей-то еды. Фёдор отдал нищему деньги, на что тот даже не произнёс ни слова, а взгляд его не выразил никаких эмоций. Уж они-то – те ещё психологи: «За что тебя благодарить, если я ни о чём не просил»?

«Как-то оно посветлей в жизни стало!» – с облегчением вздохнул он и понял, что проблемы будут решены. Нужно продать кое-что из своих вещей и жить дальше. Федор перестал воспринимать негатив колумбийских улиц, зато восторгался красотой местных сеньорит. Вскоре был предложен путнику и хлеб, и кров. Доброжелательность потекла блаженным ручейком. К вечеру, в районе аэропорта, он, скорее по наитию, выловил русскую речь с сильным акцентом. Двое мужчин вышли в поисках машины.

Без «буэнос» и без «диас», он сразу сказал: «Здравствуйте!», – подчёркивая каждый слог. «Здравствуйте!» – несколько удивившись, поочерёдно произнесли они. Не увидев на их лицах досады и презрения, которое часто бывает у наших соотечественников в случае несвоевременного обращения, он продолжил: «Не могли бы вы купить у меня бинокль или фотоаппарат? Они стоят хороших денег. Я остался без средств, и прошу за них не много».

Тон профессионального попрошайки и смущающегося человека смог бы различить даже я. Они, не вдаваясь в детали, переглянулись. «Ну что, Иосиф, поможем?» Полезли куда-то, за чем Фёдор смущённо не уследил, и, скинувшись, дали несколько сотен долларов. Федя стал снимать с ремня бинокль, но услышал категоричное: «Не надо».

– Дайте тогда хоть свои координаты.

– Не стоит. Всё нормально.

– Как Вас зовут? Может, я могу чем-то помочь в Медельине? Я тут много чего знаю.

– Аалон, – пожимая его руку, сказал второй мужчина. – Нет, спасибо, мы сами.

Фёдор, подавшись неожиданно охватившей его радости, готов был сам выложить деньги за такое. Душа его ликовала! Он с восхищением смотрел вслед этим парням из Израиля, которые развеяли перед ним миф о скаредности евреев. Вскоре в темноте растворилась увозившая их машина, а он всё стоял и думал о логичной справедливости событий и поступков прошедшего дня. И этот посланный откуда-то свыше порядок, его необъяснимым образом согрел и добавлял уверенности.

Глава 4: КОРДИЛЬЕРА

Взгляд устремлён в пятно засохшей крови на старой побелке потолка. В середине зияет дыра от вырванного крюка. Что там раньше висело или кто, осталось загадкой. Глазу не за что уцепиться в аскетичной коробке случайного жилья. Тонкая ниточка бегущих вдоль стены муравьёв притягивает внимание на какое-то время. Нашупав вилку кипятильника, он воткнул его в розетку и чуть прикорнул. Слабое напряжение позволяет надолго задуматься, пока вскипит вода для щепотки кофе.

Ввалившись сюда волею судьбы, а вернее, следуя за загрубевшим от солнца мачетеро в вылинявшей рубахе, он решил передохнуть в более-менее приличных условиях. Ежедневные дожди, ставящие ежегодные мировые рекорды осадков в этой дыре, так до конца и не вымыли из одежды многодневный запах пота и мочи.

Прямая струя холодной воды приводит в себя. Не дождавшись кофе, он надкусил кукурузную арепу, хорошо сдобренную сыром поперх ананасового сиропа, и развернул карту. Там, за последней кордильерой – реки, текущие в бассейн Амазонки.

Осталась позади неоднозначная страна, с её радушием и жестокостью, с настороженностью к случайно забредшим чужакам. Страна с её озёрами, на дне которых на многие века затаилось золото, и с богатыми россыпями драгоценных изумрудов.

В раздумьях о последних неудачах и о том, стоит ли пытаться судьбу дальше, Фёдор вышел на веранду, где больше воздуха. Бредущая мимо бабулька робко, еле слышно, попросила денег. «Нет у меня», – резко бросил он, раздражённый от перебитой мысли. Старуха, как тень, быстро и беззвучно исчезла. Вдруг, как будто опомнившись, он быстро поднялся к себе в комнату, нашёл мелочь и догнал её уже за перекрёстком. Боясь благодарности, быстро, из-за её спины

вложил монеты в сморщенную маленькую руку и вернулся к себе, мысленно надеясь, что сделал это не от страха за возмездие, а по велению души. Провидение послало её, чтобы он смог, наконец, прийти в себя и продолжить путь по горной тропинке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.